

Жаннет
Журалиева

Я ВЕРНУСЬ, МАМА...

Рассказы

ТОГЖАН

«Старик мой, родной, спасибо... Ты был рядом долгие годы... Ты помог мне выжить в самые трудные времена... Ты был любящим мужем, ревнивым, горячим, но ты любил меня... Я знаю... Я прощаю тебе все... Прости и ты меня, если есть за что...», – Тогжан задумчиво смотрела на мужа и мысленно прощалась с ним. Уже несколько месяцев она не вставала. И единственным человеком, способным поднять ее и вынести на улицу, был ее больной, высохший старик. Он с трудом уложил ее на топчан, укрыл одеялом и отогнал большую назойливую муху. Тогжан чувствовала приближение конца. Страх не было. Она ждала смерти как спасения. И все, что окружало ее, было уже оторванным от нее. Она как будто начала отплывать от берега, на котором остались ее родные, ее прошлая жизнь. Она уходила в другую реальность, прощаясь и прощая...

Часто она видела себя ребенком. В мальчишеской одежде она училась ездить на лошади, ходила с отцом на охоту и стреляла из лука в диких уток. Ее воспитывали как мальчика, потому что в семье, кроме нее, были одни сыновья. Когда ей исполнилось тринадцать, ее выдали замуж. Как дивный сон всплывают из глубин памяти картины праздничной суеты, слезы матери, волнение от предстоящей встречи с будущим мужем: какой он – красивый или не очень, умный или глупый, полюбит ли он ее, а она его? Она с благодарностью вспоминает их первую брачную ночь, когда он не притронулся к маленькой хрупкой девочке с несозревшим телом, со страхом ожидающей его в супружеской постели. Он погладил ее по голове и ласково произнес: «Не бойся меня, я лягу на полу». Ашим был очень красивым и очень добрым. Она влюбилась в него сразу. Но он долгое время не приближался к Тогжан, пока не почувствовал, что она к этому готова. Она заглядывалась на него, притаившись где-нибудь за занавеской, и все тело ее охватывал трепет.

– Мама, Вам надо поесть. Я принесу айран, – это Алтынай, ее единственная дочь. Она пришла на обед, чтобы покормить стариков и сделать матери обезболивающий. Налив чаю отцу, она принесла небольшую пиалу с айраном:

– Мама, выпейте.

Лето подходило к концу. Было еще тепло и солнечно, но ощущалось неумолимое приближение осени. По двору важно расхаживал коричневый петух с разноцветным хвостом. Рядом, деловито переговариваясь, искали корм несколько рябых кур. Большой старый пес грустно посматривал на хозяев огромными умными глазами.

Алтынай села рядом с отцом за низкий круглый стол. На столе были лепешки, домашнее масло и комковой сахар. Рядом дымился большой старый самовар. Они молча пили чай, потому что говорить не хотелось. Алтынай тревожно поглядывала на Тогжан. Она не представляла себе жизни без матери. И что будет с отцом, когда она уйдет...

А Тогжан смотрела в небо. Оно было ясным, почти безоблачным. Оно было близко. В детстве Тогжан нравилось смотреть в небо, она мечтала улететь вместе с птицами в неведомые края. Вся жизнь была впереди. И весь мир принадлежал ей. Она хотела быть птицей, свободно парящей над землей, и лететь туда, куда позовет сердце.

Тогжан прожила очень трудную жизнь. Даже самые первые годы ее замужества, которые можно назвать счастливыми, были омрачены жестокостью свекрови, смертью первенца и многим другим. Семья, в которую она пришла, была очень богатой. Часто устраивались праздники, приезжали многочисленные гости, накрывались пышные дастарханы. Тогжан научилась доить коров и кобылиц, готовить национальные блюда, шить, вязать, ткать ковры. Татарка Мариям была властной и жестокой женщиной. У нее не было дочерей, поэтому она не жалела невесток. Подарив мужу четырех сыновей, она взяла семью в свои руки. Никто не мог перечить ей. Все должны были беспрекословно подчиняться.

Впервые Тогжан испытала на себе ее жестокость, когда родила дочь. Роды были тяжелыми. Тогжан истекала кровью. Но Мариям распорядилась на следующий день переезжать. Тогжан посадили на верблюда, и она несколько часов под палящим солнцем сидела верхом, теряя сознание и едва не вываливаясь из седла. Когда Ашим попросил мать взять Тогжан к себе в кибитку, она отрезала: «Ничего страшного! Не она первая, не она последняя! Как все, так и она!».

Девочка умерла. Тогжан всю жизнь винила себя в смерти дочери. Она не любила своего первенца, потому что сама была еще ребенком, и ей тяжело было переносить все эти мучения, на которые природа обрекла женщину. Она долго приходила в себя после родов. И глядя на ребенка, не испытывала к нему ничего, кроме раздражения.

«Она умерла... моя девочка... моя дочь... Почему?.. Никто не знает... Наверное, потому, что не нужна была мне... Она плакала день и ночь... Она отказывалась от груди... Прости меня, девочка моя... Я виновата перед тобой...», – Тогжан обращалась к дочери, которая любит ее и ждет там, на небесах. Они обязательно встретятся, и Тогжан обнимет ее и прижмет к своей груди.

– Мама, все хорошо? Я сейчас сделаю укол.

Алтынай сделала обезболивающий и осторожно укрыла мать, всматриваясь в ее лицо.

– Я пошла, – она попыталась улыбнуться, – не скучайте.

Тогжан молча проводила ее глазами. Потом опять перевела взгляд на небо. С запада на восток плыла гряда белых пушистых облаков. Они двигались очень медленно, незаметно в высокой тишине, и в их величественной плавности был глубинный покой, который проникал в душу. Жизнь, проходящая перед ее глазами, уже не задевала сердце...

Трудности ее взрослой жизни скрашивались любовью. Тогжан готова была исполнять все прихоти свекрови, терпеть ее властный характер, работать от зари и до зари, потому что рядом был любимый. При всей своей мужественности Ашим был заботливым и нежным. Он сделал ее женщиной, счастливой женщиной. Каким бы трудным ни был день, ее ждала ночь, полная страсти и тонких соприкосновений влюбленных душ...

Тогжан родила еще троих детей – двух сыновей и дочь. Она была хорошей матерью. Ее женская суть раскрылась с рождением сына. И с появлением каждой новой жизни ее душа все больше расцветала. Семья жила в любви и достатке. Но их счастье внезапно оборвалось. Наступили страшные времена. Тогжан помнила, как огромные стада коров и овец гнали на бойню, а людей переселяли в другие районы и заставляли вести оседлый образ жизни, заниматься земледелием. Многих угоняли на каторгу в Сибирь. Люди умирали от голода. Сотнями, тысячами. Потому что казахи веками пасли скот и ничего другого делать не умели, и жестокий эксперимент над кочевниками обернулся великой народной трагедией.

Тогжан похоронила в те страшные годы всю семью мужа. Последним умер Ашим... Рухнула вся жизнь. Она осталась одна с тремя детьми на руках, нищая, раздавленная горем, потерявшая почву под ногами. Где-то в глубине ее памяти еще тлело воспоминание о том, как хоронила Ашима, как тяжело расставалась с ним, как в одночасье повзрослел Бахтияр, их старший сын... Им удалось выжить в те голодные годы, потому что каждый помогал, чем мог, одинокой женщине с тремя детьми.

Тогжан любила старшего сына больше остальных детей. Он был для нее не столько сыном, сколько самым близким другом. А после смерти мужа – самой большой опорой в жизни. Это он предложил поехать в Семипалатинск. В городе можно было найти работу. Ему было уже двенадцать, и теперь он был в ответе за мать и младших детей. Тогжан очень гордилась сыном, так похожим на отца, и во всем с ним советовалась.

Они нашли дальнего родственника матери Тогжан, который жил в Семипалатинске, и попросили о помощи. Дядя Сергазы и тетя Райхан были крайне растеряны, но все же позволили остановиться у них на какое-то время несчастной родственнице. Они выделили ей маленькую комнатку и помогли найти работу в доме у состоятельных людей. С утра до вечера Тогжан мыла полы, стирала и готовила, чтобы заработать на булку хлеба и кринку молока в день. Иногда ей давали немного денег, и тогда она покупала для детей какую-нибудь одежду. Бахтияр тоже нашел работу в лавке у одного торговца. Он был рослым и сильным и мог в одиночку справиться с любой работой, которую ему поручал хозяин. Он приносил заработанные деньги матери. Так они и сводили концы с концами. Тогжан даже подумывала снять комнату, чтобы больше не притеснять родственников. «Спасибо, мальчик мой... Ты был моей опорой и моей надеждой в те черные годы... Отец гордился бы тобой...».

Вечерело. Все тело Тогжан затекло от неподвижности, и ей захотелось подняться. Она подозвала мужа. Магзум помог ей привстать и подложил повыше подушки. Потом присел рядом с Тогжан и, обхватив своими большими руками ее маленькую ладошку, печально посмотрел ей в глаза и спросил, не хочет ли она чего-нибудь поесть.

«Как же он будет один? – с жалостью думала Тогжан, – что он будет делать без меня?». Они молчали, прощаясь навсегда. Тогжан смотрела на Магзума, сгорбленного, измученного страданием, и в памяти оживали события тех горестных лет, которые соединили их в одну семью. Как-то много лет назад он так же сидел возле нее, умирающей, и так же держал в руках ее ладошку. Он просил Тогжан не бросать его и вернуться к жизни...

Магзум с братьями жили по соседству от того дома, где уютилась Тогжан с детьми. Ему сразу же приглянулась стройная белокожая женщина с тонкими чертами лица, всегда очень аккуратно одетая и прибранная. Он знал про их беду и, переживая такое же несчастье, решил, что именно она сможет понять вдовца, оставшегося с ребенком на руках, и помочь вырастить сына. Однажды он со старшим братом пришел в дом Сергазы и попросил руки его племянницы. Дядя, конечно же, был не против, но Тогжан не торопилась с ответом. Ведь это был поворотный момент ее жизни. Нужно было все обдумать и взвесить и, приняв решение, больше не отступать. Она любила Ашима, она растила его детей, но она должна была начинать новую жизнь... Тогжан несколько дней искала ответ на поставленный вопрос. Она вставала и ложилась с мыслями о возможном замужестве, о чужом ребенке, которому нужна мать, о первой жене, которая всегда будет в его сердце, о своих детях, которым никто не заменит родного отца. Она понимала, что нужно жить дальше. Но смогут ли они стать одним целым, будучи двумя обломками от прежних жизней?

Через несколько дней Тогжан все же дала согласие на этот брак, и они стали готовиться к будущей совместной жизни. Она должна была создать новую семью, хотя уже никогда не сможет полюбить другого человека. Она готова была заменить мать чужому ребенку. Вместе с Бахтияром они решили, что так будет лучше для всех. Но тут на ее голову обрушилась новая беда. Однажды, придя с работы домой, она не нашла своих детей. Сергазы и Райхан после долгого молчания, не выдержав истошного плача Тогжан, рассказали, что обманом отвели ее детей в пункт приема беспризорников. Они желали ей только добра, ведь дети могли помешать ее будущему счастью с новым мужем.

Что пережила Тогжан в те дни, передать невозможно. Она обошла весь город. Ее детей не было нигде. Она осталась совсем одна... Она поседела и превратилась в старуху... Мир опостылел ей... Зачем ей работать? Зачем выходить замуж? Зачем ей вообще существовать на Земле, когда потеряно все? Она перестала есть. Целыми днями она сидела на кровати в своей комнатенке и пустыми глазами смотрела перед собой. А потом и вовсе слегла. Она хотела умереть... Родственники, напуганные ее состоянием, не находили себе места. Райхан причитала, обливаясь слезами, обвиняя во всем мужа. Сергазы и сам готов был покончить с собой. А Магзум сидел рядом с Тогжан, держа ее за руку, и говорил о том, что они обязательно найдут ее детей, чего бы это им ни стоило. Только ей нужно подняться и начать жить заново... И она поднялась...

Тогжан чуть сжала руку Магзума, как бы поддерживая его, как бы говоря: ничего, старик, ничего...

– Я перенесу тебя домой. Нужно ехать за Айсулу.

– Не надо. Я хочу видеть вас...

Магзум оседлал ишака, взгромоздился на него и направился в детский сад, за маленькой дочкой Алтынай.

Тогжан осталась одна. Спускалась вечерняя прохлада. Высоко, почти под облаками, пролетел неровный косяк журавлей. Вернулся домой большой серый кот. Он запрыгнул на топчан, уютно устроился в ногах своей хозяйки и громко заурчал. Кот брал на себя ее боль. Он всегда приходил к ней, когда боль была особенно острой, и сразу наступало облегчение. И сейчас он понял, что нужна его помощь. Он что-то знал, как знают все кошки. Он был рядом...

Тогжан удалось найти своих сыновей, которые, можно сказать, нашлись сами – направленные провидением к матери, каждый в свое время. Только дочь Нурия так и не вернулась к ней... Возможно, она умерла еще в детстве, не выдержав разлуки, а может быть, от голода, во время войны... «Бедная моя девочка, прости, что не уберегла тебя...». Война перемолола человеческие судьбы... Сколько же людей было уничтожено, сколько потерялось во время войны. Сколько женщин осталось на всю жизнь одинокими, сколько детей – сиротами...

Тогжан знала, что уходит, не испытывая ни страха, ни тоски. Ей было лишь немного грустно расставаться с этим миром, в котором она была маленькой, но очень сильной женщиной по имени Тогжан, со своей жизнью, которая уготовила ей не только страшные испытания, но и удивительные моменты счастья. Ей было жаль расставаться с этим домом, который строили их сыновья, и с этим садом, который они сажали всей семьей. Было чуть тревожно за Алтынай... но ничего, она справится...

Как только Тогжан была в состоянии двигаться, они решили уехать в Алтайский край, где относительно сытно жилось. Погрузив на телегу свой нехитрый скарб, они медленно двинулись в путь. Тогжан держала на руках Жангали, который внимательно следил за происходящим вокруг, а Магзум легонько подстегивал лошадь.

Трехлетний сын Магзума сразу стал называть Тогжан «мамой», а она приложила его к груди, чтобы он почувствовал, что такое материнское тепло. И случилось невероятное – у Тогжан появилось молоко, которое давным-давно исчезло – от горя и голода. И своего самого младшего сына Агзама она выкормила с трудом, добывая всеми правдами и неправдами по кружке хоть какого-нибудь молока в день. Но тут случилось чудо – ее тело откликнулось на пробуждающуюся в душе материнскую любовь, и она стала кормить маленького Жангали грудным молоком.

Они молча ехали по улицам Семипалатинска. Город жил своей жизнью. Мимо проезжали подводы, груженные мешками с зерном или мукой, открывались мясные и рыбные лавки, по дороге встречались голодные беспризорные дети, с тоской в глазах протягивающие ручонки к прохожим. Тогжан отламывала по большому куску хлеба и давала каждому ребенку, думая при этом о своих, которые тоже, возможно, где-то скитаются и просят есть.

Когда они были уже за городом, Тогжан заметила крошечное пятнышко вдалеке. Ее сердце вдруг судорожно забилося, в горле пересохло, в висках застучала кровь, и ей показалось, что она теряет сознание.

– Останови, лошадь, Магзум!

– Зачем?

– Останови! Это Бахтияр!

Магзум решил, что у жены помешательство, и она начинает бредить от пережитого горя. Но Тогжан настаивала, умоляла. Через несколько минут они уже могли видеть подростка, бежавшего к ним по дороге. И в конце концов разглядели Бахтияра, который кричал, смеялся и размахивал руками. А Тогжан, не в силах сдерживать рыдания, побежала к нему навстречу. Долго-долго стояли они посреди дороги, обнявшись, и по их щекам ручьем текли слезы радости. Материнское сердце не обмануло Тогжан. Она сразу поняла, что ее любимый сын нашелся...

Тогжан помнила какое бесконечное счастье она испытывала, держа в объятиях своего сына. Она благодарила Всевышнего за чудо. В тот миг она как будто родилась заново, и ее душа снова наполнилась жизнью. Наверное, если бы не было горя на земле, человек никогда бы не смог познать счастье и не смог бы ценить то, что имеет. Позднее Бахтияр рассказал, как отрывали детей друг от друга, как их распределяли по возрасту и тут же увозили в приюты других городов. Ему чудом удалось сбежать по дороге в Барнаул. Вернувшись в Семипалатинск, он узнал, что мать рано утром вместе с новым мужем уехала в Алтайский край, и не теряя ни минуты, побежал вслед за ними. Если бы он задержался хотя бы на один день, им никогда не удалось бы встретиться...

Тогжан и Магзум сумели создать хорошую семью. Не все сложилось сразу. Тогжан долго не могла привыкнуть к новому мужу, но была благодарна Магзуму за все. Он любил ее, беспричинно ревновал, обижал подозрениями, а она понимала, что всему виной была ее холодность. Она не была нежной, она разучилась смеяться, в ее взгляде появилась жесткость, но Бог дал ей мудрость и терпение... У них родилась дочь, которая все в их жизни расставила по своим местам. Высокая и тоненькая она была копией своего отца и самой большой его радостью. Она была любимицей братьев, которые опекали ее. И несмотря на болезненность, она была главной помощницей матери по хозяйству. Благодаря своей мудрости Тогжан воспитывала всех детей одинаково. В семье царили любовь и уважение, и Алтынай даже не догадывалась, что братья были неродными друг другу. Сначала братьев было двое, а потом случилось еще одно чудо – к матери вернулся ее младший сын, Агзам.

Это произошло много лет спустя. Как-то раз к ним в гости наведился давний друг Магзума, казах Жаназар, живший в районном центре. Разговаривая о том о сем, он вдруг как бы между прочим спросил Тогжан:

– Ты все еще ищешь сына? Я давно хотел сказать тебе, у нас живет один парнишка, светлый такой, сероглазый. Мишей зовут. Очень рукастый. Мастер на все руки, что ни попросят, все сделает. Мне кажется, что это твой сын. Чем-то напоминает тебя. Приехала бы как-нибудь...

Тогжан с Бахтияром на следующее утро ни свет ни заря выехали в районный центр. Она не спала всю ночь. Почти пятнадцать лет они искали по всему Союзу Нурию с Агзамом. Куда только ни обращался Бахтияр, куда ни писал. Тогжан

уже потеряла всякую надежду их найти. А сын, возможно, жил совсем рядом, в десяти километрах от матери...

Они подъехали к тому месту, где жил Миша, и увидели, как по дороге шел парень лет восемнадцати, небольшого роста, крепкий, коренастый. Он бодро шагал к ним навстречу, но вдруг остановился как вкопанный, когда увидел Бахтияра. Тогжан шепнула:

– Сынок, подойди к нему. Посмотри, у него на шее слева должно быть родимое пятно. – А сама уже не могла сдерживать слезы...

Миша-Агзам сразу узнал брата. Он смутно помнил, что у него были старшие брат и сестра. И когда увидел Бахтияра, понял, что это он, его брат...

Много дней и ночей они не могли насмотреться друг на друга, не могли наговориться. Тогжан то и дело крепко обнимала сына, всматривалась в его лицо, не веря своему счастью. Много слез она пролила и от радости, и от боли за сиротское детство своего последыша. Много дней и ночей плакал Агзам, оставаясь наедине с собой, потерявший надежду найти хоть кого-то из родных и вдруг обретший семью. Это было чудо, которое случается в жизни. Это было счастье.

Они еще долгое время жили в Алтайском крае, благословенном крае нетронутой природы и добрых, открытых людей. Тогжан каждый день пекла хлеб, шила и вязала для всей семьи одежду, ткала разноцветные покрывала и ковры. Она научилась выращивать овощи и делать заготовки на зиму. Мужчины ходили на работу, а Тогжан с Алтынай вели дом. И все было бы хорошо, если бы не тоска по родине. Чем старше становились Магзум и Тогжан, тем сильнее их сердца рвались на родную землю, к истокам. В конце концов они вернулись...

«Жаль, что не успею попрощаться с сыновьями, – думала Тогжан, – Бахтияр, Жангали, Агзам – мои родные, мои любимые дети... Будьте всегда вместе, будьте одной семьей... Храните тепло семьи и передавайте его своим детям и внукам по наследству...».

– Апа, апа, посмотри, что я нарисовала! – Айсулу бежала к Тогжан, держа в руке лист бумаги, на котором было нарисовано солнце, небо и птицы. – Это я тебе нарисовала! Тебе нравится, апа? Это мы с тобой, – она показывала на птиц, летящих рядом, – а это мама.

– Нет, моя маленькая, это не вы... Это я лечу к солнцу, а это...

Лицо Тогжан чуть прояснилось. Маленькая Айсулу была светлячком в их стариковском существовании. Она без умолку что-то лепетала, теребя Тогжан за руку. И заполонила собой все пространство. Теперь Тогжан могла возвращаться к себе в комнату. Теперь дом будет полным.

Вернулась с работы Алтынай. Она перестелила постель Тогжан, потом растерла мать разогревающей мазью, умыла и принесла поесть. А когда, покормив семью, убрала посуду и уложила спать дочку, пришла к Тогжан и долго сидела рядом, рассказывая о том, кого видела и с кем разговаривала. Тогжан молча слушала дочь, мысленно прощаясь и с ней. «Спасибо, доченька моя, единственная моя девочка... Еле выходили мы тебя когда-то. А теперь ты ухаживаешь за нами... Будь счастлива, родная...». Тогжан стала думать о будущем Алтынай, которая ушла от мужа-алкоголика, избивавшего ее днем и ночью, и не заметила, как уснула. Проснулась она глубокой ночью, когда все уже спали. Начали покрикивать самые ранние петухи, где-то вдали слышался лай собак. Вдруг стало удивительно

светло, как будто мигало солнце, и Тогжан увидела, как к ней подошли две красивые девушки в нарядных светлых платьях, очень похожие друг на друга, словно сестры. Они присели рядом.

– Вы кто?

Они молча улыбнулись, и Тогжан поняла, что это ее дочери.

– Мама, у Алтынай все наладится. Она встретит хорошего человека и родит от него сына. Вы должны спокойно оставить ее.

– А Магзум?

– А он вернется очень скоро. Ровно через год.

«Вот кого нарисовала маленькая Айсулу... Вот кто пришел встречать меня...». Она с облегчением вздохнула и... полетела к солнцу. Она видела свет. Она чувствовала радость и покой, поднимаясь все выше и выше в небеса... Она парила над землей, как птица. Она летела туда, куда звало ее сердце...

ИРОНИЯ СУДЬБЫ

Мадина везла сына в Уральскую область. Билетов в купейный вагон не было. Поэтому они ехали в плацкарте. По соседству расположилась пожилая семейная пара. В вагоне было душно и грязно. Мерно стучали колеса. Мимо постоянно кто-то ходил, доносились чьи-то разговоры, временами были слышны капризы ребенка.

Муратик сначала внимательно смотрел в окно, ему нравилось наблюдать, как бежали мимо деревья, дома, столбы. По небу медленно плыли облака, будто провожая его в дальний путь: ведь он ехал к отцу и бабушке. Целых две недели он будет жить в деревне, играть со своими братьями, ходить с отцом на рыбалку, жечь костры и запекать картошку. Он ждал этого весь учебный год. Он очень соскучился по отцу. Мысленно он разговаривал с ним, советовался, делился своими успехами и неудачами. Отец всегда и во всем его поддерживал, только почему-то совсем не звонил сыну. За весь год отец поговорил с ним только два раза – в день рождения и на Новый год.

Мадина тоже очень соскучилась. Только не по отцу Муратика. Так бывает, что любишь совсем не того, с кем тебя связала жизнь, а совершенно другого, которого любить нельзя.

Отец Муратика – ошибка ее молодости. Познакомились. Пообщались. Показалось, что любовь. Забеременела... И только когда сообщила Канату о своем интересном положении, поняла, что любви никакой не было. «Сделай аборт», – был его ответ.

Муратик оторвался от окна. Больше там ничего интересного не было.

– Может быть, считаешь? – спросила Мадина. Сын вздохнул, достал из рюкзака книжку и полез на верхнюю полку.

Да, отец Муратика – ошибка ее молодости. Но если бы не эта ошибка, не было бы на свете этого огромного счастья, лежащего сейчас с книжкой на верхней полке. А еще она никогда бы не встретила Таната и не узнала бы настоящего, глубокого и самого главного человека ее жизни, как говорится, мужчину ее мечты.

Танат – родной брат бывшего мужа. Познакомились они только на регистрации, которая все-таки состоялась. Ведь Мадина отказалась делать аборт и

попросила Каната заключить фиктивный брак. Настоящий брак ей уже был не нужен. Ровно через полтора года они оформили развод, и Канат уехал к себе на родину. Но Мадина продолжала поддерживать отношения и с ним, и с его родственниками. И неизвестно, чего было больше в ее стремлении общаться – желания сохранять семью для сына или запретная любовь к брату бывшего мужа...

Танат – геолог. Дома бывал очень редко. Еще реже бывал в Алма-Ате. Тем не менее они находили возможность видаться, договариваясь о днях и даже неделях свиданий.

Дорога впереди долгая. Нужно запастись терпением. Но им обоим было не в тягость это изнуряющее путешествие. Потому что впереди было две недели счастья. Мадина тоже прилегла. Постельное белье было, как всегда, непростиранным и влажным. Вагон покачивался, как бы убаюкивая ее, и она стала потихоньку засыпать. На душе было одновременно и радостно, и тревожно. Им предстоит сделать решительный шаг в их счастливое будущее. Или в черную дыру безысходности.

Поезд приблизился к очередной станции. В вагоне усилилась суета. Несколько человек с багажом едва протиснулись сквозь узкий проход к выходу. Некоторые из продолжающих путешествие тоже приготовились выйти подышать и прикупить фруктов-овощей. Мадина взглянула на сына. Муратик с интересом смотрел в окно.

– Может быть, выйдем? Минут десять у нас есть.

Муратик быстро соскочил с полки и надел кроссовки.

– Кепку не забудь.

На перроне былолюдно и шумно. Мимо сновали пассажиры, торговцы пирожками и разными напитками. Мадина с сыном прошли мимо прилавков.

– Девушка, берите помидоры, очень вкусные, только с огорода!

– Арбузы, дыни, виноград! – слышалось отовсюду.

– Кызым, алма ал! Өте дәмді, тәтті!

Всего было много. Август – месяц урожая. Торговали своим, выращенным собственными руками. Поэтому хотелось взять у каждого, хоть по чуть-чуть. Набрал полный пакет, Мадина с Муратиком вернулись в свой вагон.

– Вот, угощайтесь! – обратилась она к соседям. – Говорят, что все свое и очень вкусное!

– Спасибо, дорогая!

Соседи сидели напротив, рассеянно наблюдая за суетой перрона. Казалось, они были погружены глубоко в себя и все, что происходило вокруг, несколько их не затрагивало. Они вообще всю дорогу молчали, лишь изредка перекидываясь парой слов.

Когда поезд тронулся, Мадина предложила выпить чаю, и за общим столом они разговорились. Мария Филипповна, красивая женщина лет 55, все время ласково посматривала на Муратика.

– Ты молодец, девочка! Даже после развода ездешь к его родителям. И правильно! Родители ведь ни в чем не виноваты... А мы вот... – она замолчала и опустила голову. Ее муж насупился и тяжело вздохнул.

– Невестка вышла за американца и увезла внука с собой, – дрожащим голосом продолжила Мария Филипповна. – А больше у нас никого нет... – ее светлые, выцветшие от горя глаза наполнились слезами. – Сын живет один... Жениться не хочет... Пять с половиной лет мы не виделись!.. А недавно сватья позвонила

и сообщила, что они приезжают всей семьей в Алма-Ату, приезжайте тоже, мол, внука повидаете... И что? Не дал американец нам увидеться с внуком. Мой это сын теперь, говорит. Нечего ему с чужими людьми встречаться!

Носовой платок в руках Марии Филипповны стал совсем мокрым. Юрий Петрович, все время молчавший, приобнял жену.

– Ну-ну... Не надо, Маша... Все будет хорошо. Пацан вырастет и сам решит, с кем видаться, а с кем нет... И Витька еще женится и других нарожает нам... Успокойся!

В глазах других людей Мадина, конечно, была «молодцом», но сама-то она понимала, что поступает со своей бывшей свекровью так же жестоко, как и невестка Марии Филипповны. А может быть, еще хуже... Хотя если исходить из интересов ребенка, возможно, они правы, эти американцы. Отец у ребенка должен быть один. За пять с половиной лет он мог забыть своего родного отца. Зачем сейчас разрушать его мир? Зачем причинять ему боль? Кто знает, чем потом все это аукнется в их семье?

Ночью Мадина долго не могла уснуть. Что же будет? Как? Сможет ли он убедить мать? Ведь казахская семья – это глубокая традиционность: брать в жены нужно только девственницу, жена должна быть младше мужа, нужно соблюсти все традиционные обряды. А как ей проводить обряды, если они уже были проведены десять лет назад? Она уже пережила один позор с разводом после всех затратных мероприятий, связанных с казахской свадьбой. Второго позора она не переживет. Конечно, в обычаях казахов было такое, и младший брат не только мог, но и должен был жениться на жене старшего, но только в одном случае – если старший брат умирал...

Проснулась Мадина рано. Еще затемно. Все спали, мирно посапывая на все лады. Она стала смотреть в окно, наблюдая за восходом. Для нее это было чудом природы, когда небо только готовится принять солнце в свои объятия, неторопливо светлея на востоке, а потом вдруг с огромной скоростью выстреливает золотой шар, как будто рожденный Землей, и все озаряется его сиянием. Так и наша любовь, думала Мадина, родилась вдруг и осветила жизнь своими яркими лучами.

Любовь случилась с первого взгляда. Искра пробежала между ними, когда встретились их глаза. Это скорее была не искра, а молния... И никакими уговорами нельзя было подавить ту силу притяжения, что влекла их друг к другу. Как нельзя уговорить землетрясение или извержение вулкана прекратить свое губительное действие. Несколько лет они старались избегать любых контактов. Он уезжал надолго из Казахстана. Она пыталась знакомиться с разными парнями, которых приводили замужние подруги. Но в конце концов все случилось, и они поняли, что никуда от этого не уйти.

Да, Мадина чувствовала себя виноватой в том, что причиняет их матери столько неприятностей. Но что делать, если не будет больше в ее жизни другого? И не будут они счастливы друг без друга никогда.

В Чимкенте Мария Филипповна с мужем вышли. За время, проведенное вместе, Мадина успела привыкнуть к этим симпатичным интеллигентным людям. И ей стало немного грустно.

– Пусть Бог поможет вам. Пусть все образуется, – сказала она на прощание, обняв Марию Филипповну.

У каждого своя правда. И эта проблема кажется неразрешимой, думала Мадина, и нет никакого выхода из этой ситуации.

Поезд несся с огромной скоростью. Колеса отбивали такт. За окном все убегло вдаль. Так жизнь куда-то убегает. И человек куда-то мчится, преодолевая барьеры и препятствия. Только куда?..

Чем ближе они подъезжали к Уральску, тем сильнее билось сердце Мадины. Все большее волнение охватывало ее, ведь совсем скоро все будет решено: или – или. Так больше продолжаться не может. Три года они живут практически как муж и жена. Хотя и на огромном расстоянии и встречаются очень редко. Три года в их душах теплится надежда. Три года он отбивается от попыток матери женить его, теперь вот – на дочери хороших знакомых, которые уже и приданым запаслись, и к узату готовы. И эта встреча будет решающей для всех – и для нее, и для него, и для дочери знакомых...

Встретил их, как всегда, Канат. Приехал на своей новой машине, о которой говорил всю дорогу, даже не узнав, как Муратик закончил второй класс, как провел предыдущие летние месяцы, как вообще поживает его сын. Нежеланный ребенок так и не стал любимым... Канат, конечно, старался быть отцом. Хотя бы несколько дней в году. Хотя бы ради собственной матери, которая души в мальчишке не чаяла. Но у него это плохо получалось. Поддержанный мерседес его вдохновлял больше. Муратик чувствовал холодность отца. Но его маленькое сердечко не теряло надежды, что когда-нибудь все изменится, и папа будет любить его так же, как любит двух других сыновей, которых родила ему вторая жена

У Мадины защемило в груди. Хотелось наорать на этого горе-папашу. Но она сдержалась. Потому что у ребенка должен быть отец, а у отца – авторитет... И потом, имеет ли она право требовать от Каната любви к сыну? Спасибо за то, что женился и позволил родить ребенка в браке... Каждый человек заслуживает того, что имеет. Она сама во всем виновата. Поэтому нужно скрепить сердце и жить дальше.

Муратик стал расспрашивать отца про ажеку и братишек, про их будущие походы и рыбалки. Всю дорогу он был крайне взволнован, и его глаза светились радостью от встречи с отцом.

Пока они добирались до поселка, в глубине души у Мадины зарождалось смутное предчувствие беды. И чем ближе они подъезжали, тем больше ныло в груди. Вот уже показались первые дома, вот их переулочек, а вот и ворота. Муратик выскочил первым из машины и побежал навстречу родным. Встречать вышли все – от бабушки до самого младшего братишки. Даже «глубоко» беременная вторая жена. Танат стоял чуть в стороне, и к нему Мадина подошла в последнюю очередь, обнявшись сначала со всеми остальными. И как бы ни старались они изображать родственные чувства, тот, кто наблюдал за ними, не смог бы не заподозрить нечто совершенно иное.

Все было как всегда. Если не считать, что свекровь постарела, дети подросли, а «токал» потяжелела. И еще – Танат был каким-то отчужденным и сосредоточенным. Ночью, когда Мадина, как обычно, усыпив сына, пришла к нему в комнату, он рассказал о том, что мать настроена решительно и что на днях все должно определиться. Они лежали на полу, крепко обнявшись. Холостяцкая комната Таната не была оборудована для романтических свиданий. Узкий старый диван ждал своего часа. Очень скоро сюда въедет спальная гарнитура будущей хозяйки

этой комнаты, и вся допотопная мебель, собранная здесь, перекоцует в разные места дома и двора. Они уже давно лежали молча. Они были совершенно одни во всей вселенной. Только космос и тишина. И больше не души.

– Давай сбежим от них куда-нибудь?

– Нас не догонят?

– Я не смогу без тебя...

– Я буду приезжать к тебе, как и прежде.

– Не будешь... У тебя будет молодая жена, а потом и дети. Они тебя никуда не отпустят...

– Ты будешь приезжать ко мне, как и прежде.

– И опять прятаться? Опять притворяться? Я не хочу. Я больше не могу так жить... Почему все так? За что? В чем я так провинилась перед Богом?

– В чем мы так провинились!

– Видимо, Бог наказывает меня за фиктивный брак, за обман, за рождение ребенка не от любимого человека... Теперь у меня есть любимый человек, но я не могу родить от него ребенка... Надо было сделать аборт, как требовал Канат?

– Мадина приподнялась и посмотрела на Таната.

– Я не знаю, жаным ...

– Но как бы я убила его?! Как бы я жила сейчас без него?!

Танат молчал.

– И я бы никогда не встретила тебя, если бы не женила на себе твоего брата!

– Кто знает, может, и не надо было...

Мадина снова замолчала и отвернулась. Невыносима была даже мысль о том, что он будет принадлежать другой женщине.

– Жаным, мы поговорим с матерью. Как только будет возможность поговорить без свидетелей. Но ты должна быть готова к тому...

– Хорошо. Я готова... ко всему...

Мадина была настоящей келин. Она готовила, стирала, гладила, убирала, мыла посуду. Пока Муратик наслаждался долгожданным общением с отцом и братьями, она самоотверженно несла вахту. К тому же мать сильно ослабла, а «токал» уже многое делать не могла. Однако, несмотря на все усилия Мадины, «токал» была недружелюбно настроена к ней. Однажды, когда они вместе готовили ужин, она вдруг заговорила:

– Я не понимаю, чего ты таскаешься сюда. Надеешься, что он еще любит тебя? Что ты можешь его вернуть? Хочешь угодить матери, вылизывая дом?

– Да не нужен мне твой муж, не волнуйся! – Мадина даже засмеялась от неожиданности. Она и не предполагала, что новая жена Каната ревнует к ней своего обожаемого мужа. – Не к нему я приезжаю...

Спустя неделю, улучив момент, когда старший брат с женой и тремя детьми уехали в город, Танат обратился к матери:

– Мама, мы хотим с тобой поговорить...

Мать была шокирована этим заявлением. Что значит «мы»? Она смотрела на сына широко раскрыв глаза. Ее сердце вдруг сильно сжалось и перехватило дыхание.

– Мама, ты только не волнуйся. Все нормально. – Танат понял, что с матерью может случиться ужасное. Он присел рядом с ней и взял за руку. – Все будет хорошо...

- Ну, говори уж... раз начал... – мать смогла взять себя в руки.
– Мама, все будет так, как скажешь ты. Мы не пойдем против твоей воли.
– Это что же вы удумали-то, бестолковые?..
– Мы... любим друг друга... И хотим пожениться...

Мать не могла больше слышать эти крамольные речи. Она вдруг заплакала и громко запричитала:

– Да что же это за напасть такая! Сколько ты будешь кровь мою пить, проклятая! Да как тебя только земля носит! Смерти моей хочешь!

Мадина молча слушала, как мать билась в истерике. Она все понимала. Мать была права. Она сидела, как каменная, на своем стуле и не могла пошевелиться. Танат тоже все выслушал молча. Потом мать умолкла и долго сидела с мертвым лицом, беззвучно шевеля губами.

– Мама... – Танат попытался нарушить тишину. – Мама, мы все поняли. Этого не будет никогда.

– Только через мой труп... – наконец произнесла она. – В обычаях казахов такого не было никогда. При живом брате жениться на его жене – это не к добру! – она с трудом поднялась и, переваливаясь с ноги на ногу, вышла из комнаты, резко постарев за эти мучительные полчаса.

Вот и все... Этого не будет никогда! Финита ля комедия... Сердце подсказывало Мадине, что не будет никогда того, чего быть не должно. Но надежда, как всегда, умирает последней...

Оставаться дольше не было никакого смысла. Она попросила Каната взять им билеты на завтрашний поезд. И как ни уговаривал Муратик остаться еще на несколько дней, она больше не могла задерживаться в этом доме ни на один день.

Ночь они провели врозь. Мадина решила, что если рвать отношения, то лучше сразу. Но уснуть она так и не смогла. «Только через мой труп», «только через мой труп», «только через мой труп», – голос свекрови как будто огромным молотом все глубже и глубже вбивал гвоздь в ее кровоточащее сердце. И из темной глубины ее существа поднималась ненависть.

Прощаясь, она так же обняла всех, как и при встрече. Только к Танату подойти не смогла. Мать сидела на лавочке. Мадина присела рядом.

– Мама, простите меня. Я виновата перед Вами. Больше Вы меня здесь не увидите. Я желаю Вам здоровья и долгих лет жизни, ведь Вам нужно еще увидеть внуков от Таната.

Свекровь молчала. Она сидела, чуть сгорбившись и грустно наблюдая за внуками, которые с шумом гоняли по двору.

– Береги сына! – наконец произнесла она, тяжело вздохнув. – Это самое главное, что есть в жизни женщины!

Дорога впереди долгая. Нужно запастись терпением. Возможно, для Мадины это была последняя поездка в Уральскую область, на родину ее бывшего мужа... Больше ее там никто не ждет...

Солнце подходило к горизонту. День угасал. Как угасал свет в ее душе. Любовь больше не освещала ее жизнь. Только еще сильнее ныло в груди... Перед глазами стоял его последний, прощальный взгляд, в котором промелькнуло все – и страсть, и вина, и отчаяние...

За окном мелькали столбы, деревья, кусты, дома. Муратик загрустил было, но потом успокоился и принялся рассказывать Мадине о рыбалке, о катании на

моторной лодке, о прогулке по городу, об отцовских подарках, о шалостях братишек и многом другом. Он решил не унывать, потому что на следующий год он приедет к отцу на все лето. Ведь он уже будет совсем взрослый, и мама отпустит его на все каникулы...

– Мама, почему ты плачешь? Ты не хочешь отпускать меня?

– Ну, конечно, мой дорогой, – Мадина вытерла слезы и улыбнулась, – я ведь буду скучать по тебе.

– Мама, я вернусь, ты не переживай!

– Хорошо, сынок, не буду... Я знаю, что ты обязательно вернешься...

СНЫ О СЫНЕ

Галия с детства мечтала о ребенке. Когда мы познакомились, нам было по семнадцать. У меня на уме были одни кавалеры, Галия же грезила только будущим сыном.

«Как она может думать о ребенке? – недоумевала я. – Это ведь так скучно. Сейчас нужно гулять, веселиться, знакомиться с мальчиками!». Но нет, каждое утро по дороге в институт она рассказывала мне очередной сон про своего будущего малыша: «Он был такой маленький, в голубых ползунках. Я взяла его на руки и прижала к себе. Это было счастье...».

«Знаешь, – говорила она однажды, – я, наверное, умру, когда узнаю, что беременна – мое сердце не выдержит этого».

Я только молча улыбалась, слушая ее.

Несколько лет спустя Галия вышла замуж за хорошего парня, который увез ее в другой город. Но мы продолжали общаться: писали друг другу письма, разговаривали по телефону.

Она была счастлива, а я была рада за нее.

Когда приблизился срок появления на свет ее долгожданного сына, я решила, что поеду к ней, чтобы быть рядом в этот самый главный момент ее жизни. Но судьба распорядилась по-своему...

Я поехала в тот город, где жила Галия, но уже не к ней...

Потому что за несколько дней до отъезда получила такую телеграмму: «Галия умерла во время родов. Мальчик остался жив».

Она с детства мечтала о ребенке. Наверное, ее душа тосковала по тому, с кем не суждено было встретиться в этом мире...

Нуралиева Жаннет Равильевна родилась в Алма-Ате. Окончила филологический факультет Семипалатинского педагогического института. Работала преподавателем русского языка и литературы, переводчиком с английского в Агентстве «Хабар», редактором-корректором в Институте мировой экономики и политики, а позднее – в Казахстанском институте стратегических исследований. Публикуется впервые.

